
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ

*Д.Г. ШКАЕВ,
научн. сотр. Института научной информации
по общественным наукам РАН*

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЖАНА ПИАЖЕ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ДОВОДЫ ПРОТИВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Один из пионеров информатизации учебного процесса и создатель языка LOGO Сеймур Пейперт в своей монографии «Mindstorms. Children, Computers and Powerful Ideas» выступает сторонником генетической концепции Жана Пиаже, утверждая среди прочего, что овладение определенной совокупностью знаний у обучаемого ребенка происходит посредством конструирования собственного альтернативного базиса в искомой области. Эта своеобразная альтернативная реальность предстает в качестве стартовой площадки для ярких замыслов (powerful ideas) интеллекта. Пейперт предлагает проводить обучение традиционному научному знанию, позволяя обучаемому конструировать собственные реальности, надлежащим образом помогающие общему процессу. Сеймур Пейперт также ссылается на принцип Пойа в связи с необходимостью увязывать понятый материал и еще только понимаемый.

Наличие в сознании обучаемого множества сконструированных альтернативных реальностей позволяет ему постичь сущность

¹ Papert S. Mindstorms. Children, computers and powerful ideas. – New York: Basic Books, 1980. – 244 p.

информации, обращаясь в процессе решения задач с ней к общему пониманию законов, а не к частным формулам, которые уже сами по себе становятся вышеупомянутыми яркими замыслами.

Все дело в том, что «альтернативности» – это не только путь к благополучному разрешению множества структурных вопросов педагогики. «Альтернативность» – это также основополагающий аспект формулирования побочных теорий. Подобного рода построения тренируют интеллект и служат средством его роста, своего рода ступенями ракетоносителя. В определенном смысле все это напоминает знаменитый гегелевский принцип восходящей спирали, полагающей в каждой своей точке источником развития борьбу противоположных начал, перетекающую в скачкообразную количественно-качественную лавину новых форм, произрастающих из всего лучшего, что может дать «отброшенная ступень». Однако дети не продвигаются в своем познании путем совершенствования формулируемых постулатов. Для ребенка свойственно конструирование множества несоответствующих истине «альтернативностей», благодаря которым он оказывается в состоянии определять, что в его теории верно, а что – нет.

Главная проблема заключается в том, что современная педагогика исключает из рациона интеллекта поток «альтернативностей», предлагая обучаемому ребенку набор жестких формулировок. Жан Пиаже весьма убедительно говорил о насущной необходимости ложных теорий в индивидуальном мыслительном развитии ребенка. Необычность его умопостроений не суть недостаток, оплошность или интеллектуальное увечье. Напротив, это существенный базис, подготавливающий сознание к восприятию нормированных постулатов, постепенно, шаг за шагом формируя необходимые для этого навыки.

Однако школьная система ломает естественный ритм интеллектуального роста индивида, внушая последнему единственную соответствующую истине теорию в обход длительного «выхода на орбиту». Ребенка выбрасывают в открытый космос информации, деформируя естественный ход пси-развития.

С. Пейперт приводит потрясающий пример из практики Пиаже. Речь идет о ложной теории детей дошкольного возраста, считавших причиной возникновения ветра качающиеся ветви деревьев. Невзирая на ошибочность данного умопостроения, мы можем назвать

его великолепным, ибо дети проявляют высокую степень умения строить теории, подтверждая вышеописанную опытным путем: они размахивают руками, создавая движение воздуха. Деревья же, по их мнению, способны к много большим успехам на данном поприще ввиду размера ветвей.

Получается, что лишь опыт поколений, аккумулированный педагогикой в просветительской деятельности, размещает критерии истинности и ложности так, как это следует делать по мнению прогрессивного большинства. Резонно предположить, что не будь образовательной системы в современном понимании, социум пребывал бы в состоянии саморазвивающегося мышления со всей совокупностью ложных альтернативностей. Иными словами, создается впечатление, что все дело в опыте, не накапливаемом индивидом свободно в среде мягкого регулирования, а навязываемом извне жесткой системой «правильных» градаций бинама ложь – истина.

Наши рассуждения уводят нас в малоизученную область, предлагая весьма легкий и в то же время очень спорный способ разрешения проблематики мифотолкования. Как известно, мифологическое сознание – это форма мышления, не лучше и не хуже привычной нам рефлексии. Для него характерны иные принципы и законы. С позволения сказать, миф суть синтетическое основание для надприродной сущности человека. Он эмоционален, синкретичен, а главное, – «недецентрирован», по выражению все того же Пиаже. Однако прежде чем обратиться к швейцарскому психологу, отметим еще некоторые особенности мифа. Во-первых, он и рефлексия – это, в сущности своей, две стороны одной медали. Они подобны фрейдовской паре Оно – Я. Фактор Super Ego в данном случае заставляет нас сосредоточиваться не на пресловутой сублимации, а возвращает нас к вопросам внушаемого опыта... Итак, миф исподволь живет в нас, в какой-то мере обращаясь юнговскими полулегальными архетипическими конструкциями, в какой-то – толкиновской фантазией¹. И потому истоки мифа следует искать в бессознательном, или, точнее, – эволюции сознания.

То, что мы увязываем миф с сознанием ребенка, напоминает отражение тайлоровской концепции. Выдающийся этнограф в

¹ Имеются в виду литературоведческие работы «On Fairy Stories» и «Beowulf: The monsters and the critics».

книге «Первобытная культура» удивительно тонко подмечает фактор аристотелевского «удивления» в трансформирующемся мифологическом сознании, однако полагая его оболочкой «детских» знаний дикаря. «Происхождение и первоначальное развитие мифа должны были быть продуктом человеческого ума в его раннем детском состоянии <...> ...Мы сами во время нашего детства находились у порога царства мифа». Тайлор полагает первобытное общество детством человеческой цивилизации. Напомню, что Пиаже вкупе с Пейпертом склонны считать образовательный продукт цивилизации препятствием на пути индивидуального мыслительного развития, вероятно, свойственного каждому ребенку от зари homo sapiens. Однако Тайлор постоянно апеллирует к анимистической стороне мифа, что впоследствии вызвало недовольство Франкфуртов, выразившееся в их феноменально-диалогическом подходе. Дело также и в том, что для Тайлора миф – это своего рода инструмент работы с бытием, его трансфокатор; но не само бытие, не среда, в которой происходит становление личности. Не в мифе, а мифом оформляется тайлоровский «дикарь», пребывая в детском неведении. Для Тайлора миф как детство, как существо мирозерцания дикаря суть тот самый ошибающийся, увечный интеллект. И, судя по всему, этнограф не видит в конструировании ложных теорий не только необходимого оформления зачатков истинностного подхода к действительности, но и самодостаточности мифа как формы мышления.

Именно поэтому, видя в ложной альтернативности источник мифа, мы не предполагаем ее отсеивания за недостаточностью или оплошностью. Напротив, мы полагаем подобное необходимым элементом становящегося сознания. И ложность мифа – это ложность лишь для нашего, но не мифологического мышления. Альтернативность, выстраиваемая сознанием первобытного ребенка, возможно, и не слишком отличается от аналогии в сознании современных детей; но функционирующие среды эпох по-разному оформляют дальнейшее конструирование теорий и их «выход на

¹ Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – С. 54.

² См.: В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с.

орбиту». Безумно сложное переплетение вариаций выливается в конечном итоге в то, что мифологический социум порождает рефлексии. Но даже Карл Ясперс, выдвинувший понятие Осевого времени, не в состоянии прокомментировать это явление, называя его не иначе как «тайной».

И дело даже не в том, что с ростом критической массы индивидуального в коллективном рушится космология мифа, а в том, что одна форма пролонгации конструирования альтернативностей замещается другой. Это происходит далеко не сразу. Возможно, совершенно закономерно, а возможно, искусственным путем... Дело в массе накопленного индивидуального и коллективного опыта. Дело в генезисе интеллекта.

Жан Пиаже в своей «Психологии интеллекта» утверждает, что «...физическая среда не внедряется в эволюционирующий интеллект сразу и вся целиком, а постепенно в соответствии с опытом появляются отдельные приобретения... <...> ...точно так же и социальная среда дает место для взаимодействий между развивающихся и вместе с тем сохраняющих закономерную преемственную связь друг с другом». На сторонний взгляд, грудной младенец находится в эпицентре отношений, пророчащих его будущую социализацию. Однако «с точки зрения самого субъекта социальная среда по существу еще не отделяется от среды физической <...> Только на базе овладения языком, т.е. с наступлением символического и интуитивного периодов, появляются новые социальные отношения, которые обогащают и трансформируют мышление индивида».

Ж. Пиаже немедленно предостерегает читателя от неверных умозаключений, замечая, что сама по себе система коллективных знаков не служит источником символической функции, лишь развивая ее в превосходном объеме. То, что ребенок заимствует из языка, ассимилируется им к своей интеллектуальной структуре. Общее понятие вызывает в его сознании индивидуальное представление.

«Интуитивное отношение, – считает Пиаже, – ...всегда проистекает из “центрации” мысли в зависимости от собственной дея-

¹ Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 172.

² Там же. – С. 173.

тельности...»¹ Интуитивное мышление выступает свидетелем деформирующего эгоцентризма, поскольку «отношение, принимаемое субъектом, всецело связывается с его действием и не децентрируется в объективной системе»². Вольно или невольно, Пиаже приближается к подтверждению вышеупомянутой франкфортской гипотезы, называя центрирующуюся интуитивную мысль «элементом мира феноменов». Франкфорты полагали, что коль скоро древний человек ведет с окружающим миром диалог и каждый миг своего существования сталкивается с его феноменальными проявлениями, то и отношение к ним в сознании древнего человека детерминировано этой феноменальностью. К каждой особенности он относится по-особенному. «Первообытный человек спрашивает: “Почему *этот* человек умер *таким образом* в *этот* момент?”» Очевидно, что древние, объясняя явление, подыскивают ему объяснение столь же индивидуальное и специфическое. И коль скоро древний человек общается с миром «на равных», коль скоро человеческая жизнь и жизнь социума сливаются с природой, мифологическое сознание отражает этот диалог и это слияние «в форме интуитивной образности»³.

С точки зрения Пиаже, интуитивная мысль пребывает в оковах непосредственного опыта, имитируемого и копируемого, но не корректируемого ею. «Реакция интеллекта этого уровня на социальную среду абсолютно параллельна реакции на физическую»⁴.

У Франкфуртов мы обнаруживаем сходную мысль: «Для мифопоэтической мысли человеческая жизнь и функция государства включены в природу, и явления природы зависят от человеческих поступков в не меньшей мере, чем человеческая жизнь зависит от гармонического слияния человека с природой»⁵. Более того, древний человек не видит в окружающей реальности отличия от

¹ Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 175.

² Там же.

³ В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. – СПб.: Амфора, 2001. – С. 25.

⁴ Там же. – С. 40.

⁵ Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 175.

⁶ В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. – СПб.: Амфора, 2001. – С. 40.

собственного внутреннего мира. Полный жизни, он равным образом признает за Внешним те же черты, что видит в себе. Но не потому, что приписывает природе антропоморфные характеристики. Ему попросту не нужно ничего приписывать: для него все и так совершенно очевидно. Древний человек не противостоит миру как чему-то чуждому. Он – его часть. И древние не искали путей исследования мира. Они вели с ним диалог. Франкфорты не раз делали акцент на феноменальности проявлений внешнего мира для древнего человека. Внешнее уникально и непредсказуемо. Еще не достигнув рефлексивного научного мирозерцания, древние уже оставили практику абсолютно эмоционального восприятия внешнего мира. И на незримом мосту между одним и другим возникает сильная в своей мифопоэтической потенции спекулятивная мысль, которая, стремясь подвести гипотетическую базу под накопленный опыт, понуждает мысли и чувства взаимодействовать в едином ритме сосуществования Внешнего и Внутреннего. А то, что ныне ограничивает извечно присущую человеку спекуляцию – есть наука...

Спекулятивная, суть умозрительная, мысль древних вследствие всего вышесказанного как нельзя более напоминает конструируемые альтернативности современных детей. Так следует ли искать истоки мифа в уже набивших оскомину альтернативных реальностях?

Ответить на этот вопрос нам помогает монография Пиаже, утверждающего, что ребенок эгоцентричен в социальном и физическом плане ввиду отсутствия сознания своей субъективности, неумения стать на другую точку зрения. Он, сам того не замечая, деформирует интеллектуальные влияния, сводя их к своей неотделившейся от других точке зрения. И вновь Пиаже напоминает Г. и Г.А. Франкфуртов, заявляя, что «маленькие дети часто не осознают, что они подражают, считая, что инициатива в создании образа принадлежит им, и, наоборот, нередко они приписывают другим свойственные им мысли». Апогей недецентрированности совпадает с апогеем внешнего влияния. Вот где кроется разгадка индивидуальности в коллективном сознании человека эпохи мифа.

Недецентрированность разрушает лишь координация точек зрения, ибо «постоянный обмен мыслями с другими людьми по-

¹ Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 177.

звolyет нам децентрировать себя и обеспечивает возможность внутренне координировать отношения, вытекающие из разных точек зрения». Социальная мысль – логически правильная. Согласно Пиаже, вне коллектива индивидуальная мысль обладает значительно меньшей мобильностью. Внутренняя операциональная деятельность и внешняя кооперация личности дополняют друг друга, а их идеальное равновесие описывает логика. К построению последней могут привести лишь социальные отношения кооперации. Группировка, по Пиаже, представляет собой координацию точек зрения, суть – координацию индивидов. Группировка – это форма равновесия индивидуальных и межиндивидуальных действий, являющаяся при этом «автономным фактором, коренящимся в недрах социальной жизни». Таким образом, операционально-кооперационный бином уравнивается группировкой, возникающей в процессе эволюции социума. А это уже вопрос в большей степени социологический, нежели философский. Поэтому разгадка «тайны» Осеевого времени вновь повисает в воздухе...

Обидно другое – то, что Жан Пиаже завершает свой труд фразой: «...Мы можем все конкретнее и точнее рассматривать операциональные группировки интеллекта как “форму” конечного равновесия...», словно бы подводя итог и психической эволюции. Однако стоит ли расценивать нашу рефлексивную форму мышления как окончательную? Не может ли быть так, что вслед за ней последует еще один Осеевой взрыв?..

Как бы то ни было, завершая данную статью, наконец, ответим на главный ее вопрос. Вероятно, было бы неверным полагать мифопоэтическое сознание равным детскому интеллекту. Дело здесь совершенно в ином, а именно: пускай миф и формируется на конструируемом уровне «альтернативностей», важен уровень социального развития общества, ибо лишь он направляет сознание по пути, адекватному мифу либо рефлексии. Фактор альтернативных реальностей оказывает подавляющее воздействие лишь в первом случае... Факторы же образовательного и пр. характера несут на себе отпечаток социума и эпохи, естественным путем соотносясь с ними.

¹ Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 180.